

М. Н. Загоскин

**Юрий Милославский или
Русские в 1612 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Юрий Милославский или Русские в 1612 году / М. Н. Загоскин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 378 с.

ISBN 978-5-518-08259-5

ISBN 978-5-518-08259-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

I.

Никогда Россія не была въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го столѣтія: внѣшніе враги, внутренніе раздоры, смуты бояръ, а болѣе всего совершенное безначаліе—все угрожало неизбѣжной погибелью землѣ Русской. Вѣрный сынъ отечества, бояринъ Михайло Борисовичъ Шейнъ, не смотря на безпримѣрную свою неустрашимость, не могъ спасти Смоленска. Этотъ, по тогдашнему времени, важный своими укрѣпленіями городъ, былъ уже во власти Польскаго короля Сигизмунда, войска котораго, подъ командою гетмана Жолкѣвскаго, впущенныя измѣною въ Москву, утѣсняли несчастныхъ жителей сей древней столицы. Наглость, своевольство и жестокости этого буйнаго войска превосходили всякое описаніе (1). Имъ не уступали въ звѣрствѣ многочудныя толпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ казаковъ, которые занимали, или лучше сказать, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязму, Дорогобужъ и многіе другіе города. Въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы стояли войска втораго самозванца,

прозваннаго Тушинскимъ воромъ; на сѣверѣ, шведскій генераль, Понтіусъ Де-ла-Гарди, свирѣпствовалъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, исключая нѣкоторые низовые города, почти вся земля Русская была во власти непріятелей, и одна Сергіевская Лавра, осажденная войсками втораго самозванца, подѣ начальствомъ гетмана Сапѣги и знаменитаго налета (*), пана Лисовскаго, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и престарѣлые иноки отстояли святую обитель. Этотъ спасительный примѣръ и увѣщательныя грамоты, которыя благочестивый архимандритъ Діонисій и незабвенный старецъ Авраамій разсылали повсюду, пробудили наконецъ усыпленный духъ народа Русскаго; затлились въ сердцахъ искры пламенной любви къ отечеству, всѣ готовы были возстать на супостата, но священныя слова: «умремъ за Вѣру православную и святую Русь!» не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарской, покрытый ранами, страдалъ на одрѣ болѣзни, а безсмертный Мининъ еще не выступилъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.

Въ эти-то смутныя времена, въ началѣ апрѣля 1612 года, два всадника медленно пробирались по берегу луговой стороны Волги. Одинъ изъ нихъ, закутанный въ широкій охобень (**), ѣхалъ впереди на борзомъ ворономъ конѣ и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мятель становится часъ-отъ-часу сильнѣе; другой, въ нагольномъ тулупѣ, сверхъ котораго надѣтъ былъ на-распашку кафтанъ изъ толстаго бѣ-

---

(*) Такъ назывались въ то время партизаны.

(**) Верхнее платье съ длинными рукавами и кашпономъ.

лаго сукна, безпрестанно останавливалъ свою усталую лошадь, прислушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свиста бури, съ примѣтнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны.— Полегче, бояринь, сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: твой конь шагистъ, а мой сѣрко чуть ноги волочить.

Передній всадникъ пріостановилъ свою лошадь; а тотъ, который началъ говорить, поровнявшись съ нимъ, продолжалъ:

— Прогнѣвали мы Господа Бога, Юрій Дмитричъ! Не даетъ намъ весны. Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали версть шестьдесятъ, такъ могли-бъ сегодня отдохнуть. Вотъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ— Богъ вѣсть!

— Не кручинься, Алексѣй, отвѣчалъ другой путешественникъ: завтра мы отдохнемъ вдоволь.

— Такъ завтра мы доѣдемъ туда, куда послалъ тебя панъ Гонсѣвскій?

— Я думаю.

— Дай-то Богъ!... Ну, ну, сѣрко, ступай!... А что, бояринь, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?

— Да, и очень скоро.

— Не прогнѣвайся, государь, а позволь слово молвить: не лучше ли намъ переждать, какъ тамъ все уgomонится. Теперь въ Москвѣ житье худое: поляки буянятъ, православные рошцутъ, того и гляди пойдетъ рѣзня.... Постой-ка, бояринь, стой! Сѣрко мой что-то храпитъ, да и твоя лошадь упирается: ужъ не оврагъ ли!...

Оба путешественника остановились; Алексѣй спрыгнулъ

съ лошади, ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, и вдругъ остановился какъ вкопанный.

— Ну что? спросилъ другой путешественникъ.

— Охъ, худо, бояринъ! Мы ѣдемъ цѣликомъ, а вотъ, кажется, и оврагъ.... Ахъ, батюшки-свѣты, какая круть! Какъ Богъ помиловалъ!

— Такъ мы заплутались?

— Вотъ то-то и бѣда! Ну, Юрій Дмитричъ, что намъ теперь дѣлать?

— Искать дороги.

— Да какъ ее сыщешь, бояринъ? Смотри, какая мятель: свѣту Божьяго не видно!

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до такой степени, что въ двухъ шагахъ невозможно было различать предметовъ. Снѣжная равнина, взрываемаемая порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагу оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли версты двѣ, не отыскавъ дороги.

И не могу идти далѣе, сказалъ наконецъ тотъ изъ путешественниковъ, который, по видимому, былъ господиномъ. Онъ бросилъ поводъ своей лошади и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, бояринъ? спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да. Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ.

Послушай... если я не смогу идти далѣе, то поиниь меня здѣсь на волю Божію и думай только о себѣ.

— Что ты, что ты, бояринъ! Богъ съ тобою!

— Да, мой добрый Алексѣй, если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты усталъ мѣнѣ моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного, и если Господь поможетъ тебѣ найдти приютъ, то ступай завтра въ отчину боярина Кручины Шалонскаго, — она не далеко отсюда, — отдай ему....

— Какъ, Юрій Дмитричъ! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то-ли я вскормленъ отцемъ и матерью? Нѣтъ, родимый, если ты не можешь идти, такъ и я не тронусь съ мѣста!

— Алексѣй! ты долженъ исполнить послѣднюю мою волю.

Нѣтъ, бояринъ, и не говори объ этомъ. Умирать, такъ умирать обомимъ. Но что это?... Не послышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ. — Хотя-бъ на часокъ затихъ этотъ окаянный вѣтеръ! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что налѣво отъ насъ.... Чу, слышишь Юрій Дмитричъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги; кажется, тамъ лаеетъ собака.

— И мнѣ тоже сдается. Дай-то Господи! Завтра же отслужу молебень святому угоднику Алексѣю.... поставлю фунтовую свѣчу.... пойду пѣшкомъ поклониться Печерскимъ чудотворцамъ.... Чу, опять! Слышишь?

— Точно, ты не ошибаешься.

— А гдѣ лаеетъ собака, — тамъ и жильє. Ободриься, бояринъ; Господь не совсѣмъ насъ покинулъ.

Кого среди ночного мрака заставляла мятежь в открытом полѣ, кто испыталъ на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, тотъ пойметъ восторгъ нашихъ путешественниковъ, когда они удостовѣрились, что точно слышать лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда, лай становился часъ-отъ-часу внятнѣе, и хотя буря не уменьшалась, но они не боялись уже сбиться съ своего пути.

— Кажется, не далеко отсюда, сказалъ Юрій; я слышу очень ясно...

— И я слышу, бояринь, отвѣчалъ Алексѣй, пріостановясь на минуту: да только этотъ лай мнѣ вовсе не по сердцу.

— А что такое?

— Ничего, ничего; дай-то Богъ, чтобъ было тутъ жилье!

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ черная большая собака съ громкимъ лаемъ бросилась на встрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать, и потомъ съ воемъ побѣжала назадъ. Алексѣй пошелъ за нею; но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ:—Съ нами крестная сила! Ну, такъ... сердце мое чуяло... посмотри-ка бояринь.

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, изъ-за котораго виднѣлась рукоятка широкаго турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная винтовка въ суконномъ чехлѣ висѣла у него за спиною, а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая казацкая плеть; татарская шапка, съ густымъ околышемъ, лежала подлѣ его головы. Собака остановилась подлѣ него и, глядя присталь-

но на нашихъ путешественниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

Ахъ, Боже мой! сказалъ Юрій: несчастный, онъ замерзъ!—Забывъ собственную опасность, Юрій наклонился заботливо надъ прохожимъ и старался привести его въ чувство.

Этотъ плачевный видъ—предвѣстникъ собственной ихъ участи, усталость, а болѣе всего обманутая надежда,—все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на бѣднаго Алексѣя, что вся бодрость его исчезла. Предавшись совершенному отчаянію, онъ началъ называть по именамъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, своихъ.—Простите, добрые люди! вопилъ онъ; прости моя Маринушка! Не въ добрый часъ мы выгѣхали изъ дому: пропали наши головы!

— Полно ревѣть, Алексѣй, сказалъ Юрій; поди сюда.... Этотъ бѣднякъ еще живъ, онъ спитъ, и если намъ удастся разбудить его...

— Эхъ, родной! и мы скоро заснемъ, чтобъ вѣкъ не просыпаться.

— Не грѣши Алексѣй, Богъ милостивъ! Посмотри хорошенько: развѣ ты не видишь, что здѣсь снѣгъ укатанъ и наши лошади не вязнутъ: вѣдь это дорога.

— Дорога? Постой, бояринъ.... въ самомъ дѣлѣ.... Слава Богу! Ну, Юрій Дмитричъ, сядемъ на коней, мѣшкать вѣчего.

— А этотъ бѣдный прохожій?

— Дай Богъ ему царство небесное! ужъ видно ему такъ на роду написано. Поѣдемъ, бояринъ.

— Нѣтъ, я попытаюсь спасти его, сказалъ Юрій, стараясь привести въ чувство полузамерзшаго незнакомца. Ми-

нуты дѣ прошло въ безплодныхъ стараніяхъ; наконецъ прохожіи очнулся, приподнял голову и сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Юрій при помощи Алексѣя, поставилъ его на ноги, но онъ не могъ на нихъ держаться.

— Ну, видишь, Юрій Дмитричъ, сказалъ Алексѣй, намъ съ нимъ дѣлать нечего! поѣдемъ. Изъ первой деревни мы вышлемъ за нимъ сани.

— А пока мы доѣдемъ до жилья, онъ успѣетъ совсѣмъ замерзнуть.

— Что-жъ дѣлать бояринъ: своя рубашка къ тѣлу ближе!

— Алексѣй, побойся Бога! Развѣ ты не крещеный?

Да послушай, Юрій Дмитричъ: за тебя я готовъ въ огонь и воду—ты мой бояринъ, а умирать за всякаго прохожаго не хочу; дѣло другое отслужить по немъ панихиду, пожалуй!...

— Молчи.... и пособи мнѣ посадить его на твою лошадь.

Алексѣй замолчалъ и принялся помогать своему господину. Они не безъ труда подвели прохожаго къ лошади; онъ переступалъ машинально и, казалось, не слышалъ и не видѣлъ ничего; но когда надобно было садиться на коня, то вдругъ оживился и, какъ будто-бы по какому-то инстинкту, вскочилъ безъ ихъ помощи на сѣдло, взявъ въ руки поводъ, и неподвижные глаза его вспыхнули жизнью, а на безчувственномъ лицѣ изобразилась живая радость. Черная собака, съ громкимъ лаемъ, побѣжала впередъ.

— Посмотри, бояринъ, сказалъ Алексѣй: онъ чуть живъ, а какимъ молодцомъ сидитъ на конѣ; видно, что ѣздокъ!... Ого, да онъ началъ пошевеливаться! Тише братъ, тише! Мой сѣрко и такъ усталъ. Однакожь, Юрій Дмитричъ, или мы поразогрѣлись, или погода становится теплѣе.

— И мнѣ тоже кажется.

— Какъ-бы снѣгъ не такъ валилъ, то намъ бы и думать нечего. Эй ты, мерзлый! Полно брать, гарцовать, сиди смириѣе! Ну, теперь отлегло отъ сердца; а давича пришло-было такъ жутко, хоть тутъ же ложись, да умирай... Ахти, стой-ка: никакъ дорога пошла направо. Мы опять ѣдемъ цѣликомъ.

Тутъ налѣво отъ нихъ послышался лай собаки; незнакомый поворотилъ въ ту сторону.

— Куда ты землякъ? Стой! вскричалъ Алексѣй, схвативъ за поводъ лошади; или хочешь опять замерзнуть? Но незнакомый махнулъ плетью и, протацивъ нѣсколько шаговъ за собою Алексѣя, выѣхалъ на большую дорогу.

— Видишь ли, прошепталъ онъ едва внятнѣмъ голосомъ, что моя собака лучше твоего знаетъ дорогу?

— Эге, да ты сталъ поговаривать! Ну что, брать, ожилъ?

Незнакомый не отвѣчалъ ничего и, продолжая ѣхать молча, старался безпрестаннымъ движеніемъ разогрѣть свои оледенѣвшіе члены; онъ приподнимался на стременахъ, гнулся на ту и другую сторону, махалъ плетью и, спустя нѣсколько минутъ, заплъ потихоньку, но довольно твердымъ голосомъ:

Гой ты море, море синее!
Ты разгулье молодецкое!
Ты прости моя любимая,
Красна двѣнца-душа!
Не трепать рукою ласковой
Щеки алма твои,
А трепать ли молодцу
Маѣ широкимъ весломъ
Волгу матушку....

— Ого, товарищъ! сказалъ Алексѣй, да ты никакъ со-
всѣмъ оттаялъ—пѣсенки попѣваешь!

— Да, добрые люди, спасибо вамъ! долго-бы мнѣ спать,
еслибы вы меня не разбудили.

— Откуда ты? спросилъ Юрій, и куда пробираешься?

— Изъ-подъ Москвы; а куда иду, и самъ еще путемъ не
знаю. Верстахъ въ пяти отсюда, неизмѣнный мой товарищъ,
добрый конь, выбился изъ силъ и палъ; я хотѣлъ кой-какъ
добрести до первой деревни....

— А кто ты таковъ!

Кто я? Какъ бы вамъ сказать.... Зовутъ меня Киршею;
родомъ я изъ Царицына; служилъ казакомъ въ Батуричѣ,
а теперь запорожецъ.

— Запорожецъ, вскричалъ Алексѣй, отскочивъ въ сто-
рону.

— Да, продолжалъ спокойно прохожій. Я приписанъ въ
Запорожской Сѣчѣ къ Незамановскому куреню и, безъ хва-
стовства скажу, не изъ послѣднихъ казаковъ. Мой родной
братъ—куренной атаманъ, а дядя былъ кошевымъ.

— Помилуй Господи! сказалъ Алексѣй. Запорожскій ка-
закъ и вѣрно разбойникъ!

— Нѣтъ, товарищъ, напрасно. Въ удалствѣ я отъ дру-
гихъ не отставалъ, а гайдамакомъ никогда не былъ.

— Какъ-же ты попалъ въ здѣшнюю сторону? спросилъ
съ любопытствомъ Юрій.

— А вотъ какъ: я года два шатаюсь по бѣлу свѣту, и
тамъ и сямъ; да что-то въ руку нейдетъ. До меня дошелъ
слухъ, что въ Нижнемъ-Новѣгородѣ набираютъ въ тихо-
молку войско; такъ я хотѣлъ попытать счастья и пристать
къ здѣшнимъ.